

группами. Тот факт, что в письменных и архивных источниках, а также полевых исследованиях отсутствуют сведения о конфликтах, говорит о терпимости и толерантности жителей Белорусского Подвинья. Существование многонационального и разноэтнического населения всегда было спокойным в межличностных отношениях, интересным для наблюдателей в повседневной жизни.

1. Горбацкий, А. А. Старообрядчество на белорусских землях : монография / А. А. Горбацкий. – Брест : Изд-во УО «БрГУ им. А.С. Пушкина», 2004. – 237 с.
2. Записано автором в 2016 г. от Гайлеской Алины Станиславовны 1951 г.р. в д. Леомполье, Браславского р-на.
3. Записано автором в 2018 г. от Петра Алексеевича Орлова (наставник Полоцкой общины поморов) 1938 г.р. в г. Полоцке.
4. Записано автором в 2016 г. от Юрши Ирены Иосифовны 1935 г.р. в д. Леомполье, Браславского р-на.
5. Зональный государственный архив в г. Глубокое. – Ф. 645. Оп. 1. Д. 1.
6. Памяць: Браслаўскі раён: гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / рэдкал. К.В. Велічковіч [і інш.]. – Мінск, 1998. – 710 с.
7. Посох, М. Ф. Г. Видзы / М. Ф. Посох. – Ковно : Тип. губ. правл., 1895. – 13 с.
8. Православная церковь на Витебщине (1918–1991) : док. и материалы/ редкол.: М. В. Пищуленок (гл.ред.) [и др.] ; сост. В. П. Коханко (отв. сост.) [и др.]. – Минск : НАРБ, 2006. – 365с.
9. Татаринов, Ю. А. Города Беларуси. Витебщина. / Ю. А. Татаринов. – Минск : Энциклопедикс, 2006. – 208 с.

Середа Н. В. ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТВЕРСКИХ КУПЦОВ КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Ключевые слова: Россия, документы личного происхождения, купечество, города.

В архивах и музеях Тверской области хранится довольно много документов личного происхождения, созданных в семьях горожан [1]. Исследование их текстов позволяет высказать предположение, что создаваемые в купеческих семьях записи передавались из поколения в поколение как семейная ценность, как культурное наследие семьи, как хранилище памяти о семейной истории.

Важнейшим доказательством этого тезиса можно рассматривать свидетельства о наличии у основного автора каких-либо предварительных заметок предков или ранних записей его самого, перенесенных в дошедший до нас памятник. Такие записи видимо и составили основу “Летописи Михаила Тюльпина”, ведь первая из них рассказывает о пожаре 1763 г., когда автору было всего лишь 8 лет от роду.

В 1817 г., когда Михаил собственно и начал вести сохранившийся до наших дней памятник, он переписал предварительные записи предков, содержание некоторых печатных источников о событиях минувших [4], и стал фиксировать вновь происходящие события сразу в специально заведенной тетради, о чем позволяет говорить появившаяся небрежность почерка. После смерти Михаила дневник некоторое время вел его родственник, Иван Дмитриевич Тюльпин, скорее всего племянник Михаила.

Дневник купцов Томиловых представляет нам воплощение дневниковой традиции в похожем варианте. Влас Григорьевич Томилов, приступая к ведению своей Памятной тетради в 1822 г., сначала переписал в нее сведения аналогичной тетради или разрозненных записей, которые вели ранее его отец, Григорий Григорьевич в период с 1776 по 1797 г., а также он сам, начиная с 1797 г. Обо всем этом он сообщает в заголовке к своему творению: “Памятная книга к[упца] В[ласа] Г[ригорьевича] Томилова, писанная тверским купцом Григорьем Григорьевичем Томиловым с 1776 года по 1797-й год, а с того времени продолжается Власом Григорьевичем Томиловым”. При этом он не просто переписывал предварительные записи, но дополнял их новыми фактами, которые позволяют читателю увидеть развитие судьбы человека, историю монумента, воинского формирования и т.д. Переписав с записей отца под 1777 г. сведения о закладке монумента в честь Екатерины II, он тут же сообщил, что в 1811 г. его разобрали, чтобы поставить более достойный [2, с. 318]. Под 1791 г. имеется запись следующего содержания: “мая 22-го родилась у Матрены дочь Феодосья Никифоровна, что ныне за Якимом Матвеичем Барылиным” [2, с. 320].

Ведение дневника у Томиловых было делом старшего в роду. И в этом тоже было выражение традиции. Григорий Григорьевич вел записи до 1797 г., т.е. практически до своей смерти (1801г.) Затем в течение почти 30 лет дневник вел Влас Григорьевич, старший сын Григория. В 1830 г. одна из записей была сделана рукой Николая – старшего сына Власа: в декабре 1830 г. он сообщил об отъезде “батюшки Власа Григорича с товаром на девятнадцати подводах до города Ржацка ...” [2, с. 348]. Интересно, что именно в 1830 г. Николай начинает самостоятельные поездки по торговым делам, т.е. ему одновременно доверяют семейный бизнес и позволяют прикоснуться к дневнику. При этом следует отметить, что младший брат Власа Осип не участвовал в ведении дневниковых записей даже в период совместного проживания братьев в доме отца и совместного ведения торгово-предпринимательской деятельности. После 1830 г. записи в дневнике Томиловых велись в две руки, Власом и Николаем. Записи Власа пропададут, отчасти, вероятно, потому что Влас старел и переключался на

сына основную часть дел, в связи с чем сам он все чаще оставался дома, а Николай, наоборот, все чаще стал отлучаться по торговым делам. С 1838 г., после смерти Власа дневник должен был вести Николай, но занятый хозяйством он касался его очень редко. Зафиксировав смерть отца, он 10 лет не брал его в руки. Записи возобновляются с 1848 г. однако до 1861г. их было сделано всего 12, и большая их часть относится именно к 1861 г. и сообщает о пожарах в городе, после чего дневник обрывается.

Явно не богатые, Блиновы еще в начале 70-х годов XVIII в. завели тетрадь небольшого формата в хорошем кожаном переплете, явно рассчитывая на длительное ее сохранение. Для них она стала неким символом, чем-то сродни родовой иконе. Эта тетрадь с записями, внешне скорее похожая на дорогую книгу, на протяжении последующего столетия являлась неотъемлемой частью дома, где проживали глава рода и его сын. Однако в отличие от Томиловых, Блиновы не ограничивали доступ к ведению дневника для других членов семьи.

Их дневник – сложный по своей структуре исторический источник, который лишь весьма условно, следуя опубликованным справочникам [1, с. 34], можно называть дневником. В нем отчетливо выделяются несколько частей, различных по функциональному назначению. При первом знакомстве с текстом практически невозможно понять композицию памятника, в двух из трех разделов хронология является собой образец хаоса, после записи датированной одним годом может идти запись, несущая в себе несколько более ранних дат [5]. Сложность композиции объясняется, во-первых, пространственными хронологическими рамками повествования, охватывающего период примерно с 1762 г. до конца XIX в., и, во-вторых, тем обстоятельством, что оно не только отражает жизнь нескольких поколений рода, но и является продуктом их коллективного творчества, в ходе которого замысел начинателя претерпел существенные изменения. Это памятник дает огромный материал для размышлений над созданием и развитием дневникового наследия тверского купечества.

Первоначальная концепция ведения дневника, заложенная человеком, которого не удалось отождествить ни с кем из рода Блиновых, четко прослеживается при вычленении и изучении записей, сделанных на первом этапе его создания [5, с. 257]. Некоторое время Блиновы следовали этой концепции и это – показатель того, что они воспринимали книгу записей именно как культурное наследие.

Палеографические наблюдения позволяют утверждать, что большая часть записей дневника за период с 1774 до 1825 г. сделана Иовом Блиновым. Именно Иов внес изменения в тематику дневниковых записей, считая необходимым отражать частную жизнь семьи

(браки, рождения, смерти членов родственного клана), в то время как на 1-4 л. таких записей нет. Эта начинание, заложенное им, закрепилось, и его потомки следовали этому новому правилу.

Иов впервые взял дневник в руки в январе 1774 года, поводом стало рождение сына 27 декабря прошедшего года. Прежде чем сделать запись об этом событии, Иов фиксирует факт своей женитьбы в ноябре 1772 г., тем самым устанавливая причинно-следственную связь событий и располагая их в порядке хронологии на оси времени. Весь этот комплекс событий описан им в январе 1774 г., но под 1772 г. “В 1772 году ноября 11 дня Иев Блинов женился. А женился 20 лет. Сын родился Иван 1773 году месяца генваря декабря 27 дня”. Зачеркнутое слово “генваря” и позволяет предположить, что эта комплексная запись, датированная 1772 годом, была сделана в январе 1774 года. Начерк букв, толщина линий, ритм расположения письменных знаков в строке и расстояние между строк абсолютно выдержаны на протяжении всей записи, включающей в свой состав сообщение о трех событиях: женитьба, рождение своего сына и рождение брата почти 10 годами ранее, при этом запись, датированная 1764 г., стоит в этом комплексе на последнем месте. Такой процесс мышления в системе *ex post* [3, с. 180–181], как и особенности почерка, помогает выделить в дневнике тексты, написанные самим Иовом.

С начала 1774 г., с момента, когда Иов сделал записи о своей женитьбе и рождении сына, записи приобретают дневниковый характер, начинают в целом соответствовать течению времени, становятся более или менее синхронными происходящим событиям. Кажущиеся отступления от хронологии в тексте, который составлялся при жизни Иова, вызваны тем, что течение мысли самого Иова, когда он садился за дневник, происходило в направлении он настоящего к прошлому, а также соседством частей, построенных в разных хронологических системах, что является следствием участия в его ведении нескольких людей.

Традиционность изучаемых памятников выражается и в выборах объектов внимания авторов дневников. Все известные дневники пишут о серьезных строительных работах в городе, особенно если они связаны с церквями, об эпидемиях, приездах в город членов императорского дома, рождении детей и других семейных событиях. И лишь два дневника считают объектом, достойным внимания, торговло-предпринимательскую деятельность: памятная книга купцов Томиловых и дневник новоторжцев Масленников. В этом плане дневник последних особенно показателен, там записи о результатах торговло-предпринимательской деятельности фиксируются в конце года как некий итог. Под 1836 г. сообщается “Сего года была общая покупка в

Лыскове новоторских купецкаго сына Ивана Николаева Масленикова и купца Василия Савельева Вавулена. Покупку чинил от выше означенных товарищев прикащик Василей Калинин. От онаго хлеба по случаю паде-ния цен получили значительныя убытки, и продажа оных товаров продолжалась в Питербурге более года” [2, с.387]. Сведения о ценах являются обязательным атрибутом каждой годовой записи дневника Масленниковых, но и они сообщаются в связи с анализом хозяйственной деятельности семьи за прошедший год. Так по итогам 1840 г. записано “Сего года осенью па всей Тверской губернии озимой хлеб в полях поел черф. И по таковому случаю возвысилась цена на хлеб: рожь до 30 руб-лей за четверть, мука аржаная до 3 руб. 50 коп. за пуд, ячмень до 2 руб. за пуд, овес до 1 руб. 73 коп. за пуд на асигнации” [2, с. 392].

В книге записей истории семьи Томиловых также можно встретить записи, свидетельствующие об активной торгово-предпринимательской деятельности: под 1795 г. сообщается “ Генваря 15-го взяли лавку в Железном ряду после Семена Цаплина под № 4-м. Платили за оною по 30 руб. в год. Товару снято у Цаплина на 170 руб.” [2, с. 320]. Под 1807 г. Влас Томилов сообщает, что “Октября 20-го брат Осип покупал хлеб в Лыскове, которой остался на зимовку в Нове Городе, которой тут же и продан: мука аржаная за куль по 9 руб. 10 коп., овес по 5 руб. 10 коп., ячмень 6 руб., солод за 2 пуда 2 руб. 30 коп. Денег половину ждаты” [с. 323].

Внимание авторов к подобным сюжетам скорее всего является отражением образа жизни и мыслей членов семьи, но, с другой стороны, это также и показатель и отношения к текстам семейной летописи как наследию. Вероятно, по мнению Томиловых и Масленниковых семейная летопись должна отражать реальную жизнь семьи и ее повседневные заботы, в том числе о хлебе насущном, о комфорте и удобстве дома, где проживает семья и т.п.

Дневниковая традиция купеческих семей выражается не только в факте ведения дневника в течение жизни нескольких поколений и в наличие предварительных записей у основного автора или в четко заданной форме изложения событий. Преемственность присутствует и в том, как подаются сведения. Дневник Блиновых и летопись Михаила Тюльпина сдержаны в выражении чувств и эмоций. Изложение Тюльпина часто имеет оттенок назидательности. Томиловы, особенно Влас, были открыты в выражении своих чувств и эмоций.

1. Голубев, И. Ф. Коллекция рукописей. Краткий обзор. / И. Ф. Голубев – Калинин, 1960. – 61 с.
2. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века. / Институт Российской истории РАН ; сост.: А. В. Семенова, А. И. Аксенов, Н. В. Середа. – М. : РОСПЭН, 2007. – 470 с.

3. Савельева, И. М. История и время. В поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев – М. : Языки русской культуры, 1997.– 800 с.
4. Середа, Н. В. Война 1812 года в дневниках тверских купцов / Н. В. Середа // Тверская губерния в Отечественной войне 1812 года : сборник материалов краеведческой конференции, Тверь, 24 сентября 2002 года. – Тверь : Лилия Принт, 2002. – С.72–80.
5. Середа, Н. В. Дневник купцов Блиновых и его авторы / Н. В. Середа // Очерки феодальной России: – Вып 7. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – С. 256–278.

Сівохін Г. А., Сямашка К. У.
ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЯ СПАДЧЫНА І РАБОТА
ПА ЎВЕКАВЕЧАННІ ПАМЯЦІ ПРА ЗАГІНУЛЫХ
ЯК ФОРМА НЕ-/МУЗЕЙНАГА ВІДУ ДЗЕЙНАСЦІ

Ключавыя словы: ахова спадчыны, увекавечанне, музеі, воінскія пахаванні.

У сучасным беларускім музеі ад музея класічнага сэння застаецца ўсё менш. Заўважныя масавыя тэндэнцыі да мімікры пад забяўляльныя ўстановы, якія ў сваёй дзейнасці наогул не грунтуюцца на музейным артэфекце. Разам з тым, прысутнічае і тэндэнцыя да ўтварэння на базе музеяў цэнтраў дакументацыі, калі асноўным аб'ектам вышуку, збору, даследавання і інтэрпрэтацыі становіцца не сам музейны прадмет, а пэўны дакумент, які да яго адсылае.

З аднаго боку, мы назіраем татальныя трансфармацыі шляхоў развіцця музеяў у бок іх дыгіталізацыі. З другога боку – пытанне поўнай адсутнасці фінансавання ў большасці беларускіх музеяў на закупку музейных прадметаў. З трэцяга (гэта актуальна перадусім для краязнаўчых і этнаграфічных музеяў, якія спецыялізуюцца на зборы прадметаў “традыцыйнай” этнаграфіі, але не толькі для іх) можна канстатаваць фактычнае мінімізаванне крыніц папаўнення музейных фондаў. У святле вышэй сказанага актуальным становіцца пытанне пра стварэнне на базе класічных прадметных музеяў цэнтраў дакументацыі культурнай спадчыны – у першую чаргу на аснове лічбавых крыніц. Такі падыход сэння мог бы стаць адным з найбольш перспектыўных шляхоў развіцця музеяў. Натуральна, пры выбары шляху развіцця ў бок дыгіталізацыі нельга адмаўляцца і забывацца пра асноўны музейны від работы – работу з артэфектамі.

Па такім шляху развіцця пайшоў і лоеўскі Музей бітвы за Днепр (далей – Музей). Ад пачатку ведучы работу не столькі па зборы артэфектаў – сведчанняў падзей на берагах Дняпра ў 1943 г., колькі па дакументацыі гісторыі часоў II Сусветнай вайны, Музей арганічна